

4. Краткий словарь когнитивных терминов / ред. Е.С. Кубрякова. М. : Филол. фак. МГУ, 1996.
5. Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов : автореф. дис. ... д-ра наук. М., 2006.
6. Kress G., Leeuwen T. Reading Images. The Grammar of Visual Design. London – N. Y. : Routledge, 2008.
7. Leeuwen van T., Jewitt C. Handbook of Visual Analysis. London : SAGE Publications Ltd., 2008.

Sociocultural component in complex (polycode) “collective” texts: way of description

There is covered the issue of description of sociocultural component as the result of cognitive and discursive activity of “collective” subjects - complex (polycode) texts. The sociocultural component is represented by verbal and non-verbal codes as the ways of world’s conceptualization and categorization by “collective” subject.

Key words: *sociocultural component, complex (polycode) “collective” text, verbal and visual text, verbal and non-verbal codes.*

И.Ю. РЫКУНОВА
(Волгоград)

ЭМОТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ СЛОВА В ЕВАНГЕЛЬСКИХ ПРИТЧАХ

Показана реализация эмотивно-прагматического потенциала евангельского слова, выявлены доминирующие эмоции, заложенные в контекстах евангельских притч, имеющие воздействующий эффект как на персонажей внутри притчевых контекстов, так и на потенциального читателя.

Ключевые слова: *евангельские притчи, эмотивность, эмотивно-прагматический потенциал, эмотивы-квалификаторы, коммуникативно-эмоциональная ситуация, доминирующие эмоции.*

Являясь одной из самых значимых единиц языка, слово обладает способностью фиксировать в себе и транслировать человеческие мысли и чувства, имеет силу воздействия на слушателя. В контексте евангельских притч слово Христа является средством нравственного

воспитания, воздействует на духовную и эмоционально-волевыми сферами человека. В лингвистике эмоций доказано, что эмоции являются одной из главных составляющих как вербального, так и невербального аспекта коммуникативной личности. Поскольку язык вплетен во все виды деятельности человека, то эмоции представлены не только в словах, но и в памяти, звуке, музыке и других формах. По замечанию В.И. Шаховского, являясь ключом к изучению эмоций, язык помогает человеку выразить, описать, имитировать, симулировать, классифицировать, комментировать, изобретать средства для экспликации / импликации эмоций [6, с. 31]. Таким образом, с помощью эмотивных знаков, имеющихся в языке, говорящий выражает свое эмоциональное отношение к миру.

Контексты евангельских притч, анализируемые в нашем исследовании, не только являются хранилищем эмоциональных ситуаций, но и могут быть использованы как пособие по скрытому воспитанию человека, т.к., представляя собой малый эпический жанр, притча, по мнению многих исследователей, обладает дидактическим, нравоучительным характером. Описывая реальную или вымышленную ситуацию из жизни людей, Автор притч не только пытается изменить сознание человека, но и затрагивает, как уже отмечалось выше, его эмоциональный мир. На вопрос одного благочестивого юноши о том, что нужно сделать, чтобы иметь жизнь вечную, Иисус ответил: ... *если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах.... Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение* (Мф. 19: 21; 22). Как видно из приведенного примера, слово Христа, обращенное к юноше, повергло его в состояние печали, вызвало эмоции отчаяния и уныния. Судя по этому примеру, можно предположить, что слово Христа, сказанное в евангельской притче, имеет эмотивно-прагматический потенциал, который реализуется в специфической коммуникативно-эмоциональной ситуации притчeveго контекста и вызывает положительные или отрицательные эмоции у реципиента.

Таким образом, цели данной статьи – показать реализацию эмотивно-прагматического потенциала евангельского слова, заложенного в контекстах новозаветных притч, и выявить доминирующие эмоции, содержащиеся в рассматриваемых контекстах (на материале пяти сюжетных притч).

Предлагаемая информация в контексте той или иной евангельской притчи, как правило, фиксирует эмоциональный мир персонажей в универсальных темах «жизнь», «любовь», «смерть» (о добром самарянине, о блудном сыне, о злых виноградарях, о жестоком рабе, об овцах и козлищах), сведения об их эмоциональных переживаниях. Значительную роль при этом играют нравственные понятия, заложенные в каждой притче, воздействующие на эмоции реципиента и заставляющие сделать выбор между добром и злом, оценить и познать действительность.

Эмоционально-оценочные семы заложены в самих названиях притч: *добрый самарянин*, *безумный богач*, *неправедный судья*, *мудрые/неразумные девы*, *блудный сын*, *злые виноградары*, *бесплодная смоковница*, *нищий Лазарь*, *драгоценная жемчужина*, *жестокый раб* и др. С помощью выделенных эмотивов-квалификаторов, которые эмоционально нагружают контексты евангельских притч, производится оценка персонажа. Именно от выбора лексики, по замечанию В.И. Шаховского, «...зависит возможность введения реципиента в определенное эмоциональное состояние или выведения из него» [7, с. 42]. Например, рассказывая притчу о злых виноградарях (Мк. 12:1–12), Иисус Христос под *злыми* виноградарями подразумевал первосвященников и фарисеев, желавших избавиться от Него. В контексте притчи содержится ряд глаголов, которые вызывают отрицательные эмоции у реципиента (*били*, *убили*, *разбили голову*, *выбросили вон*, *предать смерти*). Глагол *убивать* употреблен в притче «О злых виноградарях» семь раз. Можно говорить о том, что данный глагол в ее контексте является квалификатором эмоции ненависти. Речь идет о ненависти виноградарей к хозяину и его сыну (Хозяин – Бог, Сын – И.Х., виноградары – фарисеи). Употребление эмотивных слов в статусе коннотативных, несомненно, воздействует на чувства получателя. Фарисеи, услышав эту притчу, поняли, о ком идет речь и *искали в это время первосвященники и книжники, чтобы наложить на Него руки, но побоялись народа, ибо поняли, что о них сказал Он эту притчу* (Мк. 12:19). Таким образом, притча вызвала у первосвященников и фарисеев не только негодование, но и желание избавиться от ее Автора. Несомненно, контекст рассматриваемой притчи и у потенциального читателя может вызвать эмоции негодования, презрения к виноградарям и жалость к сыну.

Подобные отрицательные эмоции ненависти, страдания, злобы, гнева, враждебности, отчаяния, разочарования, ужаса, страха можно встретить и в других анализируемых притчевых контекстах. Например, в притче о блудном сыне кажущаяся несправедливость отца по отношению к старшему сыну вызывает у последнего эмоции негодования, гнева: ... *Он осердился и не хотел войти... ... сказал в ответ отцу: ... ты никогда не дал мне и козленка, чтобы повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение свое с блудницами, пришел, ты заколол для него откормленного теленка* (Лк. 15:28–30). Указательное местоимение *этот* явственно передает презрительное отношение к провинившемуся младшему брату. Благодаря данной экспрессивной семе отправитель (старший брат) целенаправленно усиливает семантику слова *сын*, таким образом, в большей степени воздействует на чувства отца (получателя сообщения). Посредством названного конкретизатора выражена субъективная оценка младшего брата. Если убрать данный конкретизатор, то сильные эмоции старшего сына останутся раскрытыми не до конца. Коннотативно-окрашенные слова *расточивший*, *блудницы* также указывают на враждебное отношение старшего сына как к брату, так и к отцу, простившему и принявшему младшего сына. Отметим, что, не вникая в глубокий смысл и тему притчи о всепрощении кающегося, воспринимая контекст на поверхностном уровне, многие читатели могут испытывать подобные чувства и эмоции ненависти, враждебности и злобы.

В притче о жестоком рабе (Мф. 18:23–35) царь прощает долг своему рабу. Позже, узнав, что тот в свою очередь не прощает долга своему должнику (*28... схватив его, душил... 30... посадил его в темницу*), несмотря на то, что товарищ-должник *пал к ногам его, умолял ...* (Мф. 18: 29), *разгневавшись...*, *(царь) отдал его истязателям*. Эмоции гнева, разочарования в своем рабе, злобы эксплицитно представлены в описываемой эмоциональной ситуации и наблюдаются через выделенные эмотивные слова посредством притчевого контекста.

Интересен тот факт, что в тех же самых притчах реализуются и положительные эмоции любви, милосердия, сострадания. Если вернуться к микроконтексту рассмотренной выше притчи о жестоком рабе, то можно проследить, как царь, прощая своего должника (раба), проявляет милосердие и любовь по отношению к нему: *Государь, умилосердившись*

над рабом тем, отпустил его и долг простил ему (Мф. 18:27). Эмотемы любви, сострадания, всепрощения можно проследить и в притче о блудном сыне, о добром самарянине, о заимодавце и двух должниках, о талантах и др. Например:

- ... у одного заимодавца было два должника: один должен был пятьсот динариев, а другой – пятьдесят, но как они не имели чем заплатить, он простил им обоим. ... который из них более возлюбил его?... тот, которому более простил (Лк. 7: 41–43);

- ... хорошо, добрый и верный раб! в малом ты был верен, над многим тебя поставлю; войди в радость господина твоего (Мф. 25:21);

- ... самарянин же некто... сжалился и, подойдя, перевязал ему раны, ... и позаботился о нем (Лк. 10:33–34);

- а о том надобно радоваться и веселиться, что брат твой сей был мертв и ожил, пропадал и нашелся (Лк. 15:32).

Как видно из примеров, степень интенсивности и представленности эмоций здесь различна. Так, в последнем примере эмоция радости дается как обобщение описываемой ситуации. Эмоциональная ситуация радости представлена эксплицитно. Правда, существуют и такие контексты, в которых не дается эксплицитной оценки эмоциональной ситуации, но сама она воспроизводится полностью. Характер эмотивности в данном случае определяется на основе эмоционального опыта читателей, который позволяет им квалифицировать представленную ситуацию по шкале ценностей человеческой жизни. Например, эмоциональная ситуация отчаяния отражена в притче о блудном сыне: *Когда же он прожил все, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошел, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево свое рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему* (Лк. 15:14–16).

Следующий микроконтекст притчи о добром самарянине помогает реципиенту также идентифицировать и назвать эмоции отчаяния и безразличия:

... некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. По случаю один священник шел дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и прошел мимо (Лк. 10: 30–32).

Рассмотрев вышеописанные микроконтексты, можно сказать, что, несмотря на то, что в них нет словарной эмотивно-окрашенной лексики, они эмоционально воздействуют на получателя, т.к. именно в контексте самих притч их нейтральная «упаковка» становится коннотативным эмотивом. Она наделяется контекстуально-эмотивным смыслом, таким образом, в процессе своего функционирования в притчевом контексте представленные лексические единицы реализуют потенциал эмотивности. В.И. Шаховский подтверждает данное положение следующим образом: «... при переходе из словарного состояния в ситуативное (контекстуальное) почти каждое слово может стать эмотивным» [5, с. 170].

В контекстах евангельских притч используется большое количество метафор-символов, которые дают богатую палитру смысловых оттенков, создают дополнительную возможность для понимания текстов притч и оказывают эмоциональное воздействие на чувства и эмоции потенциального читателя. Помимо метафорических образов плодов разных видов, символизирующих как человеческие добродетели (семена, колосья, гроздь и т.д.), так и недостатки («плевелы», «терния», всегда имеющие отрицательные коннотации), часто используются и зоометафоры. За образом того или иного животного скрыто поведение человека, которое оценивается слушателем либо положительно, либо отрицательно. Например, потерянная овца символизирует мытарей и грешников (в образе заблудшей овцы предстает падший человек), спасение которых становится поводом для торжества. В притче об овцах и козлицах (Мф. 25:31–46), повествующей о втором пришествии Христа, мы также сталкиваемся с метафорическими образами: овцы символизируют праведников, т.к. служат образцом невинности и простоты (агнец – символ чистоты), а козлы являются символом осуждаемых грешников. Согласно энциклопедии знаков и символов Дж. Фоли, козел является символом распущенности, похоти, а также дьявола, «который принимает его личину» [4, с. 344], поэтому Христос и отделил агнцев от козлов, служащих, по мнению епископа Аверкия, образцом недобрых нравственных качеств, не приносящих «никакого плода – ни шерсти, ни молока, ни ягнят» [1, с. 278]: *И пойдут сии в муку вечную, а праведники в жизнь вечную* (Мф.25:46). Слово козел несет отрицательную коннотацию и вызывает, как правило, негативное отношение к человеку, называемому именем этого животного, а

заявление Христа, звучащее в конце притчи (*И пойдут сии (козлы) в муку вечную, а праведники в жизнь вечную* (Мф. 25:46)), несомненно, обладает эмотивно-прагматическим потенциалом, имеющим своей целью внушить человеку страх Божий и желание творить благо.

Таким образом, можно утверждать, что евангельские притчи являются эмоциогенными, т.к. не только вызывают эмоции у адресата, но и провоцируют движение его мысли, т.е. «... дается импульс его ассоциативному мышлению с целью привести собеседника к идее, лежащей в основе притчи» [3, с. 47]. Для более эмоционального воздействия на слушающих слово Христа в одних случаях звучит решительно и смело, призывая слушающих ко вниманию: *... слушайте и разумейте!* [Мф. 15:10], иногда гневно и обличительно по отношению к книжникам и фарисеям (*лицемеры*), иногда угрожающе, как в притче о жестоком рабе: *Так и Отец Мой Небесный поступит с вами, если не простит каждый из вас от сердца своего брату своему согрешений его* (Мф. 18: 35), или в притче о злых виноградарях: *... отнимется от вас Царство Божие и дано будет народу, приносящему плоды его; и тот, кто упадет на этот камень, разобьется, а на кого он упадет, того раздавит* (Мф. 21:43–44). Иногда в слове Христа можно услышать приказ, как в притче о милосердном самарянине: *иди, и ты поступи так же* (Лк. 10: 25–37), или устрашающее предсказание, как в притче об овцах и козличах: *...тогда сядет на престоле славы Своей... и отделит одних от других, как пастырь отделяет овец от козлов* (Мф. 25: 31–32).

Подводя итог изложенному, можно сделать вывод о том, что слово Христа, сказанное в контекстах евангельских притч, имеет эмоциональную интенцию, воздействует на адресата через потенциал, заложенный в ключевых словах-эмотивах, рассмотренных в статье. Выражение доминирующих эмоций, таких как милосердие, сострадание, любовь, а также ненависть, злоба, гнев, отчаяние, страдание, разочарование, страх, демонстрируется через универсальные эмотемы любви, жизни и смерти.

Литература

1. Аверкий (Таушев) (архиеп.). Четвероевангелие. Апостол: Руководство к изучению Священного Писания Нового завета. М. : Православный Свято-Тихоновский гуманитар. ун-т, 2005.
2. Святое Евангелие. СПб. : Синодальная тип., 1914.

3. Тумина Л.Е. Притча как школа красноречия. М. : ЛКИ, 2007.

4. Фоли Дж. Энциклопедия знаков и символов. М. : ВЕЧЕ, 1997.

5. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1987.

6. Шаховский В.И. Эмоции: долингвистика, лингвистика, лингвокультурология. М., 2009.

7. Шаховский В.И. Энергетическая мощность эмоций и дискурсивные нормы // Вопр. психолингвистики. 2008. № 7. С. 39–43.

Emotive and pragmatic potential of a word in evangelical parables

There is shown the realization of emotive and pragmatic potential of an evangelical word, revealed the dominating emotions, which are in the contexts of evangelical parables, and have influence both on the personages of the parable contexts and on a potential reader.

Key words: *evangelical parables, emotiveness, emotive and pragmatic potential, emotives-qualifiers, communicative and emotional situation, dominating emotions.*

Т. А. ЧЕБОТНИКОВА
(Оренбург)

РЕЧЕВАЯ РОЛЬ-МАСКА И ЕЕ ФУНКЦИИ

Описана такая модель речевого поведения личности, как роль-маска, с помощью которой снижается уровень контекстуального диссонанса и которая в зависимости от мотивов, побудивших к ее применению, получает различную функциональную нагруженность.

Ключевые слова: *личность, речевое поведение, роль-маска, контекстуализация.*

«Для человека нет ничего более интересного, чем люди», – писал В. фон Гумбольдт. Именно этим неослабевающим и всепоглощающим интересом объясняется вектор современных лингвистических исследований. Человек говорящий, человек общающийся по-прежнему привлекает внимание исследовате-